

“Психология и её место в христианстве”

18.11.2021 г.

<https://youtu.be/ZnN4YHoyCx0?si=ROQfy92o2PdVOX5s>

1:27:13

[Говорящий 4]

Здравствуйте, наши дорогие слушатели. У нас в гостях отец Пётр Мещеринов, отец Андрей Лоргус и встречу ведет Джованна Провичини, которой я передаю слово. Джованна, пожалуйста.

Спасибо, Татьяна.

[Говорящий 3]

Добрый вечер всем. Я очень рада, что в этой рабочей мы можем с вами общаться и предоставляем слово нашим диспутантам, как они себя звали. Будет очень интересная тема, но я бы сказала, что прежде всего очень интересные собеседники.

У нас будет игумен Пётр Мещеринов, наверняка он нуждается в презентации, но все-таки для новых наших слушателей. Я могу сказать, что у него музыкальное образование, встреча с христианством, открытие монашеского призвания. Он является сейчас игуменом в Далматове, это филиал святодонеческого монастыря.

Он очень, как вам сказать, очень знаменитый духовник. Вокруг него очень большое количество духовных детей. И другой наш собеседник это профессор Андрей Лоргус.

У него двойное образование, потому что он и психолог по профессии, закончил факультет психологии МГУ в 1982 году и также он возглавляет один центр христианской психологии. Кроме того, он является и священником, естественно, духовником. Итак, наша тема сегодня будет как раз какое место психологии в христианстве.

Как-то был задан такой довольно как-то провокационный или уже как-то вопросительный в заглаве, скажем, нашей встречи. Христианская жизнь. Аскеза или психотерапия.

Страдания или комфорт. Но я предлагаю прежде всего слушать их и после того будет возможность задавать вопросы и как-то осветить те стороны этого огромного вопроса, которые будут как-то более дороги, более

полезны, более необходимы, бы сказала, даже для наших слушателей. Итак, сначала слово предоставляется Игумену Петру.

Пожалуйста, отец Петр.

[Говорящий 1]

Я не могу рассуждать на том же уровне, на котором это будет делать отец Андрей. Компетенция у меня, конечно, не психологическая, поэтому я ограничусь какими-то общими рассуждениями. И, собственно, наш диспут, который был объявлен после того, как я написал маленькую запись в так называемом коуч-христианстве в Фейсбуке, и отец Андрей отреагировал очень хорошо и живо на эту запись и предложил этот диспут.

Но, собственно, диспут у нас не получится именно по той причине, что я не психолог, а в духовных вопросах мы с отцом Андреем вполне единомышленны. Вот я хочу предварить свои несколько слов этим замечаниям. Теперь несколько пунктов мне хочется сказать по поводу заявленной темы – аскезы или психотерапия, страдания, либо, как теперь любят говорить, комфорт.

В Евангелии мы видим, на первый взгляд, некоторые противоречия. С одной стороны, Новый Завет во многих местах говорит нам, что многими скорбями надлежит нам войти в Царство Небесное, что вслед за Христом мы должны нести свой крест. С другой стороны, все Евангелие наполнено просто рассказами и описаниями того, что Христос исцелял болезни.

То есть, Он облегчал людям скорби и страдания, и мало того, доставлял им вполне даже и земную радость. Вот если мы вспомним события в Кане Галилейской, когда Господь просто людям дал еще вина. И вот эта противоречия нуждается, конечно, в объяснении.

Потому что, с одной стороны, действительно, в церковной дидакте есть такой сильный крен в страдания, в терпении, в несении страданий. С другой стороны, столь же явно мы видим из Евангелия как раз то, что Христос не пропускал, можно сказать, случаев, говоря таким бытовым языком, людям страдания всячески облегчать. Как это объяснить?

Дело в том, что тут нужно различать скорби как естественную и неизбежную принадлежность падшего мира. И, я бы даже так сказал, может быть, специфические скорби в контексте исключительно христианского богообщения, пути следования за Христом. Преподобный Анастасий Синаид, замечательный святой отец VII века, ученик Иоанна Лесточника, в своих вопросах и ответах, а именно в 28 ответе, достаточно

подробно отвечает на это вопрошение о том, почему, скажем, праведники болеют, а нечестивые люди пользуются отменным здоровьем, следующие за Христом скорбят, а непоследующие за ним как-то радуются и веселятся.

И преподобный Анастасий отвечает на это, причем достаточно небезапелляционно, говоря о том, что это только его мнение и что он, так сказать, тоже не ученый. Он говорит о том, что это все следствие, имеется в виду скорби праведников, страдания бытовые, вопрос, почему болеют дети, как Господь это пропускает, он все это относит за счет следствия общей падшести нашего мира, под который подпадают все люди, независимо от их праведности, неправедности. И как в Евангелии сказано, что Господь дождь свой и солнце свое прибыливает светить и дождем идти над праведными и неправедными, так, к сожалению, в условиях падшего мира и болезни и скорби посещают в равной мере праведных и неправедных, независимо от их духовного и нравственного состояния.

Это что касается скорбей вот таких естественных, а скорби специфические в контексте богообщения это несколько иное и я дальше скажу в чем различие, попробую сказать. Они могут, конечно, совпадать, то есть скорби духовные могут совпадать со скорбями психическими, физическими, бытовыми, социальными и так далее, а могут идти параллельно, то есть при скорбях человек может духовно радоваться и может быть наоборот укрепляться в вере. Следующим пунктом вытекающим из всего этого нужно отметить то, что все это побуждает нас и не только побуждает, а можно сказать это такое евангельское следствие, следование евангельскому императиву, что от этих бытовых скорбей нужно избавляться.

Собственно говоря вот то, что Господь исцелял больных, а мы подражая Христу тоже облегчаем страдания нашим ближним и самим себе и на этом основан сам церковный принцип упорядочения жизни. Скажем все монашеские уставы преследуют именно тот принцип, чтобы жизнь была наиболее ограждена от разорения, подчинена какой-то ровности, упорядоченности, потому что любое неустройство приносит человеку скорби. Также и развитие медицины несомненно и только медицина.

Часто европейскую цивилизацию обвиняют в какой-то бездуховности, но на самом деле очень во многом она как раз следует вот этому императиву евангельскому исцелению болезни и избавлению людей от скорби. И то, что нам кажется облегчением жизни на самом деле является именно такой христианской позиции, особенно в области медицины. Вот я вспоминаю, как Парацельс, один из основоположников современной медицины, но помимо этого и философ, и мистик, и глубокий богослов, Парацельс сказал одну фразу, которая мне вот запомнилась замечательная.

Он сказал, что иное есть действие лекарства, если не любовь. И действительно, облегчая человеку страдания, мы выказываем ему именно христианскую любовь. Это несомненно.

И здесь перед людьми, которые подвергаются страданиям, испытывают скорби, встает некое духовное задание, а именно различить, отличить одно от другого. Здесь на практике образ действия заключается в том, что прежде нужно испробовать все, что в человеческих возможностях, чтобы действительно избавиться от скорби, разоряющих жизнь нашу и наших ближних. И тут как раз, как мне кажется, важное место в наше время занимает именно психология, потому что причины естественных вот этих скорбей часто внутренне запутаны, имеют корни в семейных и прочих отношениях межличностных и так далее.

Тоже относится, конечно, к физическим болезням, их обязательно нужно стараться лечить. А вот когда все человеческое как бы исчерпано, тогда уже можно с большим основанием становиться на ту точку зрения, что та или иная скорбь имеет духовные причины и уже разбираться, что это за причины не только с психологом, но и с духовником. Но здесь большая у нас сложность, потому что с душепопечительством у нас достаточно все плохо и здесь делаются ошибки, порой большие ошибки и людям становится только хуже.

То есть я хочу сказать, что когда духовник не умеет отличить духовную вот эту скорбь христианскую от обычной, естественной и предлагает целить естественную скорбь духовными средствами, то это бывает только хуже для человека. Ну, то же самое наоборот. Наконец, вот про утешение, религия и утешение.

Религия дает человеку комфорт или наоборот дает человеку какое-то экзистенциальное беспокойство. Это вопрос, который занимает уже с XX века многомыслителей. Надо вообще сказать, что библейская религия христианская не про утешение в земном понимании.

Я приведу два примера. Первый, это всем известные примеры. Первый из книги «Исход», когда Бог через Моисея возвестил израильскому народу освобождение от рабства.

Что за этим последовало? Отнюдь не радостная и комфортная жизнь, а 40 лет странствования по пустыне. В конце концов, можно сказать, смерть этого поколения, которое вышло из Египта и которому было возведено обетование об освобождении.

Ну, Ветхий Завет посвящен общественным отношениям, отношениям Бога с народом. А Новый Завет, можно сказать, он более личностен. Здесь мы в книге «Деяния апостола» видим поразительную вещь.

Когда апостол Павел был обращен ко Христу, когда его осиял свет с неба. Когда был приведен в Дамаск, апостол Ананий крестится. То Господь первое, что сказал, что повелел передать апостолу Павлу.

«Я покажу ему, сколько он должен будет пострадать за имя мое». То есть обращение апостола Павла ко Христу, тут же Господь, совершенно не скрывая и не давая ему каких-то ложных надежд на то, что вот теперь он будет восхищен в рай первым делом до третьего неба. Нет, Господь первое, что говорит.

«Я покажу ему, сколько он должен будет пострадать за имя мое». Несомненно, христианская религия, мы будем говорить только о христианстве, разумеется, имеет свое утешение. Но оно тут иное.

Если мы обратимся к основному утешительному слову Христа, Евангелие от Матфея. «Придите ко мне все труждающиеся, все обремененные, я успокою вас». То мы тут же увидим, что оно непременно связано с тем, что Господь говорит «возьмите иго моё на себя».

Иго – это благо, ибремя – это легко, но все-таки это иго ибремя. И как раз именно это и есть тот парадокс, та специфика христианства, о которой я говорю. Потому что, конечно, этим христианство и отличается от других религий.

Другие религии напрямую обещают человеку утешение. Менее развитые религии так впрямую, магически, что человек решает свои физические проблемы метафизическими средствами. Более развитые религии, может быть, более тонким образом, но все равно какая-то прямая причинно-следственная связь обещается между служением Богу и утешением, комфортом, хорошей жизнью.

В христианстве все не так. Это как раз та специфика христианства, то самое развлечение падшей естественных и библейских скорбей, которых так плохо, как мне кажется, разбирается наша сегодняшняя церковная дидактика. И, наконец, последнее, что тут можно сказать, вот про то самое коуч христианства.

Коуч христианства, конечно, термин такой возник слету, непродуманный, может быть, не точный, неверный. Под ним и я, и другие люди понимают такой облегченный подход к христианству, когда человек хочет именно перенести методы психотерапии, причем тоже такой достаточно поверхностной, на религию и получить от христианства то, что мы ждем от медицинской психотерапевтической помощи. Вот когда методами психологии человек хочет избавиться от ига и бремени христовых, то это вот есть ложное какое-то направление, то, что как раз я и назвал коуч христианства.

Следовательно, задачей духовников и психологов точно определять свое место и не смешивать источники скорбей и страданий, потому что, как я уже сказал, явления могут смешиваться и одно в другое входить, а вот источники надо хорошо различать. Вот это падший природный источник и по-настоящему духовный, потому что здесь дело в том, что тоже у нас мало проработано в наших православной аскетике и дидактике, что Христос ведет каждую душу к себе индивидуально и что одним он дает действительно радостную внутреннюю и внешнюю жизнь, а другим попускает скорби. Но эти скорби, как я уже сказал, особые, они отличаются от таких падшей естественных.

Вот это развлечение, это понимание индивидуального пути каждого человека к Богу и есть искусство и мастерство и духовника и психолога. И, конечно, очень хорошо об этом еще, кстати, святитель Феофан Затворник писал, когда аскетика и психология проникают друг в друга, не подменяют, не смешиваются, а именно представляют из себя общую душепопечительную среду, которой психолог, человек верующий, может понять и различить, где, собственно, болезнь естественная, где духовная. И, соответственно, духовник отличает это и одно за другим не выдает.

Вот кратко, что я хотел сказать. Спасибо.

[Говорящий 3]

Спасибо, Отец Петр. Мне кажется, что Ваше выступление задало просто очень много вопросов, очень как-то острых и актуальных, потому что именно такие расстройства, скажем так, такие проблемы, такие вопросы, такие болезни, это наверняка были всегда, но они являются очень характерными и в наше время. Для многих людей и особенно для молодых поколений.

Итак, то, что было сказано сейчас, то есть вопрос, все-таки психология, может быть, просто какая-то сфера, скажем, где проявляется именно тот дух милосердия. Типа, ну как есть врачи, которые лечат разные органы,

скажем, человек и, значит, психологи могут лечить, скажем, умственную сферу.

[Говорящий 5]
Душу.

[Говорящий 3]
И правда, есть все-таки такое отличие, очень деликатная сфера, как отличить духовную и как-то душевную, психологическую, как не вмешиваться в очень как-то сокровенные, скажем, отношения, которые есть у каждого человека с Богом и как наоборот как-то помочь этому. Мне кажется, Отец Андрей Лоргус лучше всех может нам помочь в этом, раз у него есть такой богатый опыт священства, а также богатый опыт психолога. Пожалуйста, Отец Андрей.

[Говорящий 2]
Спасибо. Спасибо, Джованна. Спасибо, Татьяна.

Отец Петр, я очень рад, что наша встреча состоялась, несмотря на все препятствия. И спасибо Жану Франсуа, который, наверное, сейчас нас смотрит издалека, без него бы это невозможно было бы. Все очень это как-то радует.

Мне очень дорога эта возможность обсудить с отцом Петровым эту тему. Отец Петр, спасибо, что вы вкликнулись, потому что много страданий, с которыми людьми приходят в церковь. И эти страдания – это совсем не то, что некий аскетический подвиг, а это страдания, которые не принесут духовный пользнь.

Не все страдания полезны. Разобраться в том, что полезно, что не полезно, вот так просто нельзя. Нет таких у нас каких-то лекал, которые мы приложили к человеку, и все понятно.

Каждому человеку нужен свой подход. Поэтому, когда мы говорим о страданиях, мы должны быть осторожны и разбираться в том, что это такое. Я согласен, что страдания могут быть естественные, а могут быть добровольные, но это совершенно разные вещи.

Тут надо быть внимательным. Но помимо страданий есть совершенно другая вещь, которая тоже страдательна, страстная, то есть человек из-за них переживает, и ему плохо, и плохо всем окружающим. Я бы назвал это не страданиями, а искажениями личности, искажениями души, с которыми человек может прийти.

Не все, нет, а кое-кто может прийти в церковь и тоже запросить пасторства, помощи, исцеления и скажет, вот я тоже хочу идти ко Христу, помогите мне. Но вот у меня вот это, вот это, вот это, вот там допустим страхи или раздражительность, или какие-то истерики бывают, или я на всех обижен и так далее. То есть это не просто страдания, которых врач избавляет, или утешить.

Это искажения личности, которые приводят к ложным поступкам, которые приводят к нелюбви, которые приводят к войне с другими людьми. И это не просто болезненность страдания, а это невладение человеком самим собой. Потому что человек сложный, это космос.

Но если человек этим космосом не овладел, он может делать направо, налево кучу ошибок и даже не понимать этого. Или понимать, но не знать, как это исправить. И прежде чем он может сделать первые два-три шага на духовном пути, ему нужно помочь освоить человечность.

Вот как Владыка Антони говорил, прежде чем стать христианином, ты станешь человеком сначала. Многие наши прихожане, они еще не решили своих человеческих проблем, но хочется им уже евангельского пути. Уже хочется поститься, уже хочется молиться, уже хочется толковать Евангелие и идти по светоотечественному пути.

Мы очень часто в пастырстве сталкиваемся не с нулевым шагом, а с шагом, который еще в минусе. Еще человеку надо человеческое освоить, стать просто допропорядочным гражданином, допропорядочным соседом, отцом и матерью, братом и сестрой. И потом уже передвигаться к духовным шагам, к духовному развитию.

Но на самом деле, конечно, так не бывает. Сначала это, потом это. Это я понимаю.

Но для ученого очень важно все-таки различать, мы чем занимаемся. Для психолога очень важно, что мы занимаемся как раз подчас не избавлением человека от страданий, допустим, от страданий его по поводу страсти объединения или алкоголя, или секса, или еще чего-нибудь. Психология вовсе не для этого, чтобы человеку было хорошо, комфортно.

А психология для того, чтобы человек, наконец, научился собою пользоваться как с тончайшим музыкальным инструментом, как оркестром, я бы сказал. Вообще, на самом деле, это космос. Освоить этот космос, это же искусство, да это и здорово, это красиво.

Вот психология, она помогает в этом. Не то, чтобы она решает все задачи на этом пути, нет. А помогает в этом.

А для духовной работы это как раз очень важно, потому что духовная работа целиком и полностью зависит от этого инструмента. Вот инструмент, к которому обращается Христос и к которому пришел настроить Землю, это Личность. Он говорит, ну вот тебе твоя, так сказать, арфа, играй на ней, если ты справишься.

Вот это и есть задача психологии. В том числе и не одна. Но, конечно, отец Петр прав, с психическим болезнью надо помогать.

Но это не сколько психология, сколько психиатрия, потому что все-таки область болезни это искусство врачевания. А психология, как раз, если так метафора позволяет, это скорее настройки инструмента, чем ремонт. Ремонт это все-таки врачебное такое.

Еще что я хотел бы сказать для первого такого слова, что отношение психологии и христианства складывается не только в наше время. Это древняя наука и древнее искусство. Много всего в этой истории произошло.

Если все это внимательно прочитать, то это будет огромный материал. Подводя итог этому всему, я должен сказать, что сегодня очень много всяких глупостей произносится с двух сторон. Многие священники еще в 90-е годы мне говорили, так это что, батюшка, ты что, мысли читать будешь теперь у всех?

И у нас тоже. Один батюшка был очень честный, я его люблю, царствие ему небесное. Он говорит, так что теперь ты мои мысли читать будешь, если ты психолог?

И я понимаю, что очень многие священники и епископы до сих пор боятся психологии, потому что они думают, что психологи опытные сразу их раскусят. Сразу поймут, чего за душой у этого человека есть. Слава богу, архиерейских мыслей никто читать не умеет и иерейских тем более не умеет, даже диаконских.

И слава богу, потому что если бы это было, то это был бы, конечно, нам ад целый. Кроме этого, конечно, есть еще другое опасение, что психология подменяет религию. Но нет, не подменяет.

Разные задачи. Пасторство направлено на спасение души, но так грубо выражать, коротко. Психология направлена на решение личностных проблем.

Как правило, проблем. Кстати, вот тут очень интересно, как и к врачу, к психологу не приходят, когда человек счастлив. Приходят, когда проблемы.

Грубо говоря, психотерапия для проблем. А вот в церковь к пасторе люди приходят для того, чтобы что? Мне кажется, мы как священники в церкви, мы не до конца можем сформулировать, а чего люди ищут в церкви.

И вот тут я должен сказать, может быть, непривычную вещь. И думаю, что отец Петр не захочет с этим соглашаться. Впрочем, не знаю.

Но есть разная христианство. Я имею в виду прикладное. Вот есть люди, которые хотят прийти на Пасху один раз в году.

Может быть, исповедь сопричастится, а может быть, только осветить куличи. И больше о мне не хотят. И они считают себя верующими.

У меня нет права сказать, нет, ребята, это не вера, это ерунда, вы захожане. У них есть вера. Но вот меру церковного своего благочестия они определяют так.

Вот на Пасху и все. И больше, пожалуйста, мы больше не пойдем. Но они так решили.

Но им так хочется. Ну и пожалуйста, я не могу их судить за это. Мы можем говорить о них, они не церковные люди, они так, так, так.

Все-таки они приходят на Пасху к воскресшему Христу. И все-таки они поклоняются воскресшему Спасителю. И они это могут даже иногда сказать отчетливо.

Другие люди, которые приходят, не соблюдают ничего, они не постятся. Но они приходят, каждый все ночную, слушают пение, слушают Евангелие, слушают проповеди и молча уходят. Они не включаются в церковную жизнь, в жизнь таинств.

Они не видят возможности. Но они хотят петь вместе со всеми верою, например, или Отче наш, или Богородицы в радости. Это для них очень важный момент соприкосновения со священным.

В общем, я хочу сказать, что люди разные, разные религиозные запросы и разное у них христианство. Мы привыкли говорить, вот у нас одна формула, вот церковление и вот евангельское христианское образ жизни, святоотеческий. Он один?

Нет, он не один. И наше дело, пасторское, вот учитывать все возможные вот эти вот формы. Кто-то там в больнице убирает, моет полы и молится про себя.

В церковь не ходят. Мы даже не знаем про него. А я думаю, что он верующий и он со Христом.

А кто-то приходит в церковь постоянно и тут моет полы и все регулярно делает и он тоже со Христом. Вот разные христиане, разные пути, стало быть, разное пасторство и разная церковная педагогика должна быть. Вот о чем я и хотел поговорить с отцом Петром про вот это вот многообразие церковных педагогов, если так можно сказать, разных.

Но мы должны быть как-то, ну вот, как это сказать, подготовлены ко всякому, к разному. Вот, Жована, мое вступительное слово.

[Говорящий 3]

Спасибо, отец Андрей. Очень интересно и мне кажется, что здесь уже поступила куча вопросов на самом деле. Кроме того, уже были вопросы, которые задали и отцу Андрею, и отцу Петру, как я знаю.

Но сначала я хотела как-то свой вопрос задать. То есть мы, конечно, как вы очень хорошо, отец Андрей, сказали, христианство это не одно, это не один рецепт, но это люди, это личности, каждый человек как-то переживает эту встречу с Богом каким-то образом. И у этого человека всегда есть вопросы, проблемы в жизни.

Например, здесь есть даже один вопрос, который говорится мамам, который говорит, но тогда страдать из-за своего сына, это что материнский эгоизм. То есть проблема воспитания, проблема отношения с детьми, проблема отношения с родителями, с супругами, есть проблемы как-то со своими все-таки как-то расстройствами или как-то личные, скажем, индивидуальные проблемы. Есть, может быть, тоже проблемы людей, которые чувствуют, скажем, нетрадиционные сексуальные тенденции, которые всё равно хотят как-то стремиться к Богу.

То есть каждый человек это целый мир, целое мироздание, можно так сказать. И как, с одной стороны, и как психология может каким-то образом

ему помочь идти к Богу, потому что как-то все-таки как-то цель, это как вы уже, мне кажется, прекрасно сказали, это не как-то самоцель психология, но это как-то способ лечения человека и как-то возможность его как-то вести по пути к Богу. Но я не знаю, может быть, сначала будет отвечать отец Пётр и потом отец Андрей, как вам?

[Говорящий 1]

Как вы управите, Джо?

[Говорящий 3]

Я тогда и думаю, что отец Пётр сначала, да?

[Говорящий 1]

Да, вопрос.

[Говорящий 3]

Но вопрос, как вы считаете, то есть как здесь психология, как здесь христианская педагогика, скажем, духовничество, христианское учение может помочь такому человеку, каждому человеку, который есть разные личные проблемы, связанные со своей идентичностью, со своими тенденциями, со своими отношениями, со своими призваниями?

[Говорящий 1]

Ну, видите, во-первых, я должен отметить, что выслушав отца Андрея, я как раз убеждаюсь в изначально уже высказанном выводе, что у нас дискуссии, диспута у нас не будет, потому что, конечно, я ни в чем не могу возразить отцу Андрею, действительно, люди разные. И вот ваш вопрос тоже говорит об этом. Здесь я бы хотел вот что сказать, то, что я размышляю последние годы над всеми этими вещами, что действительно наша церковная, скажем, дидактика, церковная, я бы сказал, субкультура во многом оказывается несостоятельной при столкновении с вызовами нашего времени, хотя бы вот с этими гендерными вопросами, которые вы упомянули и так далее.

И здесь, собственно, уже, может быть, с психологической точки зрения ответит отец Андрей, а я бы сказал именно с духовническо-пастерской, что здесь сама жизнь и, разумеется, за этим стоит Господь, который задает нам новые задания, сама жизнь требует от нас осмысления соборного этих вещей. А вот к этому мы еще не подошли, то есть мы держимся за нашу традицию, потому что, видите ли, вот действительно приходит человек нетрадиционной ориентации в церковь и действительно он ищет Бога, но его личные и социальные особенности уже позволяют ему вести себя

по-другому, чем в традиционном обществе. Вернее, не личные, конечно, а больше социальные.

И вот как это сочетать? Один пастырь допускает больше, другой пастырь допускает меньше, третий вовсе выгонит, четвертый, наоборот, вовсе скажет, что это норма. То есть здесь большой-большой разброс именно пастырских практик, которые требуют действительно просто соборного, церковного, доброжелательного, пастырского, даже никакого-то директивного постановления, а именно осмысления.

Поэтому здесь очень сложно сказать, как поступать именно с такими людьми. Но здесь стоит следующий вопрос, а что значит поступать с такими людьми? Это взрослые, живые люди, действительно каждый человек это вселенная, почему мы как-то что-то должны с ними поступать?

И вот здесь, может быть, гораздо более сложный вопрос церковной нашей педагогики, что она ограничивается именно субкультурой и церковностью, вот такой в субкультурном понимании. И даже вот в речи, в слове отца Андрея это проскользнуло, когда он говорит, что люди, с одной стороны, должны еще вычеловечиться, а с другой стороны, им хочется уже по-евангельски жить, то есть поститься и прочее. Но поститься, это вот именно субкультурная такая вещь, к Евангелию имеет малое отношение, а вот именно жить по-евангельски и как по-евангельски относиться, вот это действительно нуждается в обсуждении.

И здесь мой, скажем, опыт, хотя я, конечно, не такой великий, как мне представил Джованна, мне даже прям неловко, но мой небольшой опыт говорит о том, что людей надо любить и входить в ситуацию индивидуальную каждого, с одной стороны. С другой стороны, пока церковные правила, хотя бы основные какие-то наличествуют, то от них тоже нельзя отходить каким-то грубым образом. Вот между этими двумя точками пастырю приходится проявлять свое пастырское искусство.

Это непросто действительно. Я хочу сказать, что главное здесь все-таки это именно вопрос церкви Бога, потому что чем дальше, тем больше выявляется эта проблема, что под Богом люди понимают церковную субкультуру. То есть, говоря иными словами, люди, конечно, ищут Бога всегда, но предлагается им несколько иное, предлагается им храмовое субкультурное божество.

И вот они вступают в порой мнимое, по большей части мнимое отношение с этим храмовым божеством. А с храмовым божеством невозможно

любить. Ему нужно отдавать какую-то дань в виде того же поста, хождения в церковь и так далее.

Воспоставление свечек, освящение куличей. Это, конечно, отношение не с живым Богом, а именно с тем храмовым божеством, который наличит в нашей субкультуре. Который вот этот большой клубок.

Человек ищет внутренне, по сердцу, по своему религиозному строению, конечно, Бога Живаго, Бога Библии, Бога Авраама, Исаака и Иакова, пророков и апостолов. А тут предлагается ему храмовое божество со всеми этими субкультурными уже сложившимися традициями. И вот здесь начинает сильно искрить.

И это уже задача, конечно, не психологии, а именно каких-то пастырских размышлений. Причем еще раз повторяю, соборных размышлений. Но это очень сложно, потому что, как вот в Евангелии Иоанн Пророк говорит, Иоанн Креститель говорит, что мне должно умоляться о Христу расти.

Так на самом деле и внешней церковности должно умоляться о Христу расти. И особенно в наше время стоит перед нами именно эту задачу. А я считаю, что наше пастырство к этому не готово еще.

Вот я бы так сказал.

[Говорящий 3]

Спасибо, отец Петр. Отец Андрей.

[Говорящий 2]

Я должен сказать, вот как в этой дискуссии я представляю психологию, что психология не может решить всех задач. Она научилась пока решать некоторые задачи. И надо сказать, эти задачи не представляют собой какого-то цельного органа, как говорят некоторые.

Но некоторые задачи она решать умеет и неплохо. А вот тот уже смысл, который сейчас задал отец Петр, он-то предполагает, на мой взгляд, что человек уже свободен от основных своих страстных комплексов, от своих неврозов. Потому что вот этот евангельский дух, он все-таки обращен к взрослому, зрелому человеку.

Евангелие ведь не детям, не подросткам проповедано, а взрослым людям. И хотя да, там были дети, мы встречаем их в сюжетах, но все-таки религия христианства, она вообще-то говоря, в отличие от язычества, она для взрослых людей. Хотя христианами могут быть все, абсолютно все.

Дети, больные, в сознании, без сознания. Это правда. И все-таки, если мы говорим о евангельском образе жизни, подлинно евангельском, он все-таки для взрослых, зрелых людей.

Потому что когда инфантильный мужчина в 40 лет говорит как мальчик, ой-ой-ой, я этого не выдержу, мне очень сложно, у меня голова болит. И вообще, что вы делаете, вы так говорите мне такие страшные вещи, я не выдержу. Или когда женщина говорит, как же я теперь жить буду, я же теперь не справлюсь, ничего не могу.

Ну вот такие вот детские фразы. Но какие же могут быть тут евангельская мерка, ну как ей говорить о подвиге, взять крест свой. Хотя она свою личностную не может осуществить, свою личностную самореализацию, бытовую даже хотя бы.

Поэтому тут конечно есть вещи, на которые нужно указывать и с которыми нужно считаться. Но то, что я, батюшка, конечно же не согласен, это с тем, что современная наша традиция, это есть некая субкультура. Потому что культура вообще в церкви, это только ее часть.

Я склонен различать в современной церковной жизни, помимо культуры, которую можно назвать субкультурой совершенно справедливо, различать в ней еще жизнь. Жизнь, состоящую из определенных поступков, актов, то есть целых цепочек действий, деятельности, которые мы реализуем изо дня в день или ежегодно. Поклоны, посты, освящение куличей.

И это не просто обычаи, традиции или какие-то обряды. А это очень важные действия, которые помогают нам взбираться, идти по евангельскому пути. Как ни странно, освящение куличей.

Какое имеет отношение к духовному пути? Формально никакого. Разумеется, в этом нет ничего евангельского.

С евангелием никак не связано этот обычай. А для кого-то он есть такой психомистический, психодуховный акт, символизация, который организует и его чувства, и его строй мыслей, организует его жизнь. Он учится.

Женщина печет эти куличи. Она в церковь не пошла, но куличи печет. И некогда.

Но внутренне она собирается. Она пытается молиться, когда замешивает тесто. Она что-то думает.

Она приготовилась. Она старается быть чистой, вокруг все убрала. Она совершает священное действие.

В этот момент она литургизует. Простите меня, собрать, что это звучит так, может быть, грубо. Но для нее это внутреннее.

Это восхождение. Простите, анафора такая. Но если она серьезно к этому, конечно, относится.

Не в бытовом смысле. А вот она действительно подошла к этому серьезно. И слава Богу.

Я думаю, что Христос с ней в этот момент. Но я верю в это. Что с ней в этот момент.

Также и ребенок, который красит яичко. Вот как-то он серьезно к этому отнесся. И для него это что-то значимое.

Он не понимает, что это отношение к Евангелию не имеет. И к вокслежскому спасителю не имеет. Но он это делает со священным каким-то чувством.

Может быть. Это же мы не видим. Мы же не можем заглянуть туда.

Сердечко маленькое. Если это так, то я приветствую такую внутреннюю деятельность. Для меня она священная и сакральная.

Но она проходит в внутреннем психическом мире. В внутреннем, в который заглянуть очень трудно. Но он есть.

И я не только в него верую. А я рассчитываю на него. В моем пастырстве есть некий расчет на то, что там не только в церкви.

А вот там в душах людей личности совершают свои анаферы, свое литургисание. И помогают им в этом. Вот эти вот самые традиции, обряды и разные правила и нормы.

Которые мы можем назвать православной субкультурой. Не зря все это. Оно все работает.

Там, где люди хотят этого, конечно. Но оно работает, оно помогает. Что, отец Петр?

Говорите, потому что Джованна временно как-то нас покинула. Так что приходится вести.

[Говорящий 1]

Вы слышите меня, да? Да, да. Ну, я с вами не могу не согласиться здесь.

Но при некоторых условиях. Видите ли, внутреннее литургисание, о котором вы говорите. Действительно, это было бы прекрасно.

Если бы всем красящим яйцам внутреннее литургисание, почти анафороцерковное, было бы свойственно. Это было бы действительно очень хорошо. Оно может быть только сознательным.

Это, кстати, уже к вопросу о психологии, наверное. Понимаете, здесь кроется большая проблема. Которую, я считаю, именно пастырство и самвоны в частных беседах обязаны подчеркивать.

Дело в том, что специфика христианства, исторически так сложилось и не могло не сложиться. Потому что люди есть люди. Конечно же, смешалось с общерелигиозным содержанием.

Которое требует определенной сакральности, определенной выделенности времен, мест, предметов, ритуалов и прочее. И, конечно, я совершенно с вами согласен, что сами по себе эти вещи неплохие, разумеется. Их нельзя отвергать.

Тем более, они вошли, тоже с вами согласен, не только в субкультуру, но и в культуру, и в традицию. Все эти вещи требуют, как минимум, уважения. Несомненно.

Но здесь нужно об этом, мне кажется, возвещать сразу. Есть такое понятие возвещение церкви. Собственно, чем церковь занимается?

Церковь, согласно одной средневековой, очень мне нравящейся формуле, занимается исключительно двумя вещами. Она чисто проповедует Евангелие и право, то есть правильным образом преподает таинство. Это единственная задача, единственные две задачи институциональной церкви.

Что значит чисто проповедовать Евангелие? Это значит доносить до них евангельское слово в той ситуации, применяясь к их культурному, социальному, бытовому и прочему уровню, в котором люди находятся. И не все люди скопом, а вот каждый человек.

В этом смысле то, что вы сказали, совершенно, так сказать, приемлю и немало вопреки глаголю. Так оно и есть. Но если это остается просто вот на этом уровне, если здесь нет возвещения церкви о том, что это хорошо и законно, что вы красите яйца, печете куличи и совершаете прочие ритуальные действия этого же рода.

Но под этим должно стоять именно внутреннее христианское делание. То есть нужно сразу возвещать о том, что все внешнее в церкви является действительно только путем ко Христу. Не самим по себе, не самоценной вещью, а путем ко Христу.

А когда остается только бытовой смысл, то мы видим то, что мы видим, что люди годами ходят по кругу. И это, наверное, вы как психолог тоже можете подтвердить и в своей сфере, что люди годами ходят по кругу, они нисколько не развивают. В то время как Евангелие как раз требует от нас развития.

Горчичное зерно должно возрасть в дерево и потом туда должны приделать так прекрасные птицы и видеть свои гнезда и петь свои райские песни. Тесто должно вскисать, закваска должна всходить и так далее. Когда люди из года в год красят яйца и ходят освящать куличи, ну, конечно, мы не можем влезть в душу.

Тем более мы не можем и, собственно, и не желание, у меня малейшего нет, осуждать как-то этих людей, наших братьев христиан, бытовых христиан, скажем так. Тем не менее мы как пастыри должны, мне кажется, осознавать, что это наша обязанность именно возвещать им, возвещение Церкви, чисто проповедь Евангелия в этих ситуациях. Вот этого, к сожалению, мне не видится.

Тем более вот в последнее время, казалось бы, да, вот, ведь очень интересный феномен. Я разговаривал со старыми монахами лаврскими, с людьми, которые... Ну, я тоже плод советского времени и крестился, и моя церковная жизнь началась еще в советское время, но в самый конец.

А люди, которые застали там, может быть, уже конец 50-х, 60-е годы, с кем мне посчастливилось общаться, они говорили очень интересную вещь. Я думаю, что тогда жизнь церковная была какая-то гораздо более определенная, более осмысленная, в некотором смысле более, может быть, легкая, потому что тогда мир делился очень четко и ясно на черное и белое. И, скажем, лаврские монахи говорили о том, что они так или иначе ощущали свою миссию в том, что они, пребывая в монастыре, а вокруг

совершенно безбожный, подчеркнутый и официально безбожный мир, они самим своим вот этим хранением церковного чина, вот этого внешнего богослужения, вот этими обрядами, ритуалами, освящением куличей, пасох, они хранили действительно веру и православие.

И так оно и было. И им было жить, и им, и православным христианам в советское время в этом смысле было жить легче. А сейчас, вот как мне говорил один замечательный, тоже уже старый монах, а сейчас, говорит, конечно, непонятно, потому что все размылось.

И действительно мы-то, вот наше молодое поколение, надеялось, что действительно из-под этих ритуалов начнет пробиваться живое христианство и евангельское начало. Но, к сожалению, сегодняшняя практика не показывает это в должной мере. Это вот так как бы хотелось.

Церковь, конечно, встраивается в общественную и политическую жизнь. Это одна сторона процесса, но другая сторона, вот именно пастырская, именно та сторона, которая должна быть основой церковной жизни, возведение церкви, на мой взгляд, вот страдает.

[Говорящий 2]

Да, я согласен с этим, но я вижу, что все-таки плод есть, он мал, он невелик, его трудно разглядеть, может быть, но он есть. И у меня вопрос тогда возникает, не к вам вообще вопрос, а бывало ли тогда больше? Мне кажется, среди всеобщего возрождения, как в кавычках сейчас называют церковного, малая-малая какая-то толика, которая действительно выросла духовно из этого обрядового христианства и вошла в христианство евангельское, которое задает вопросы, которое исследует.

Я вижу много этих ростков, количественно их очень мало, я думаю, никогда их больше и не будет. Вот это такая вот узкая прослойка, элита такая, но я думаю, она так и будет всегда. Я в этом смысле вот как раз не отчаиваюсь, потому что количественные показатели, ну это такая условная вещь.

И потом меня вчера таксист спросил, а скажите, а что, правда сейчас из церкви все повалили? Я говорю, нет, как было, так и осталось, судя по нашему приходу. Правда у нас ремонт идет, но я не вижу этого.

Изнутри этого ничего не происходит. Но возможно, что ажиотаж, который был в 90-е годы, сменился более спокойным, прохладным отношением к церкви. А может это и хорошо, слава Богу.

Поэтому я вот думаю, что все-таки есть развитие и есть запрос на глубокое христианство, на такое вот вдумчивое, осознанное. Я вижу очень многих молодых людей, которые изучают Евангелие, ходят на всякие кружки, курсы читают. Читают Мещеринова, читают Десницкого, читают Селезнева и многих других авторов, изучают кто-то даже на языках.

И при этом они ходят к обедне и освящают куличи и Пасхи. Внешне все так, а внутри есть совершаемая работа. Ее мало, но она есть.

И пастыри тоже есть, те, которые тихо, спокойно ведут свою работу и ведут евангельские всякие кружки и чего-то даже в интернете. И при всем при этом изо дня в день служат, служат, служат и служат. Есть, но мало.

А я и не думаю, что должно быть его много. Так что в целом согласен. Да, в целом согласен.

Но тут есть вопросы. Как Вы думаете, может быть пришла пора ответить? Да, давайте.

Да, вот тут был вопрос от Виктории Сухаревой. Понятие православный коучинг. Она просит расшифровать и поподробнее.

[Говорящий 1]

Ну вот в том плане, в котором я употребляю этот термин, я уже сказал, что он достаточно легкомысленный. Ведь коучинг это... Но он всем понравился.

Понравился, потому что он неопределенный. Коучинг же это тренерство, правда? Это обучение каким-то определенным навыкам.

В данном случае психологическим. Я просто утверждаю и считаю, что к духовной жизни коучинг не вполне применим. Духовная жизнь очень тонкая и индивидуальная.

Она вот именно духовная. То есть это взаимоотношение человека и Бога и во Христе уже с другими людьми. Здесь коучинг, ну как-то я не вижу его места.

Что касается психологии, то опять же я всю психологическую часть я передаю Вам, потому что тут Вы специалист.

[Говорящий 2]

Вот вопрос от Катерины Крымской. Примеры духовных страданий современного человека.

[Говорящий 1]

Духовные страдания, мне кажется, что у современного, что у древнего человека всегда одни. Именно духовных имеются? Мне кажется, это прежде всего что связано со смертью, беспокойством за близких, тревога, ощущение падшести мира и так далее.

Что у современного, что у любой другой эпохи человека одинаково. Теперь мой вопрос. Вот мне в Фейсбуке спрашивают.

Хотелось бы услышать о юнгианстве, на котором базируется вся современная аналитическая психология с точки зрения христианства.

[Говорящий 2]

Это приятная тема, интересная, но очень большая. Я должен сказать, что я многих юнгианцев читаю с большим удовольствием и много из этого беру. Но прежде всего те, которые занимаются анализом архетипов и разных символических сказаний, в которых раскрываются многие психологические проблемы.

Например, роли матери, роли семьи и много чего другого. Многие юнгианцев читаю. Для меня юнг очень сложен, сам юнг очень сложен, потому что помимо его общепризнанных теоретических посылок, у него есть много очень религиозных.

У него был другой подход, нежели у Фрейда, именно поэтому они разошлись. Он сместил ракурс понимая тайны личности в некой символике истории, культуры, литературы, хотя понимал ее достаточно биологически. И Фрейд за это его критиковал.

И вот интересно почему. Вот тут я юнгианцам должен сказать со своей стороны, что юнг отвлек внимание от личности к литературе, к культуре. Он выстроил культурную зависимость.

То есть он показал вот есть личность, а вот ее зависимость от культуры. И здесь я согласен скорее с Фрейдом. Фрейд критиковал и Адлера и юнга за то, что зачем вы подменяете у личности свои тайны, свои специфические тайны.

Вернитесь внутрь. Другое дело, что Фрейд эти тайны понимал биологически достаточно. И тут я, конечно, как христианский психолог совершенно предъявляю других позиций.

Вот краткий ответ такой.

[Говорящий 1]

Давайте еще. Ну вот еще вопрос. Прошу поделиться мнением.

Психоанализ в жизни христианина. Учитывая, что психология и психоанализ вещи разные, в анализе можно находиться постоянно.

[Говорящий 2]

Вот тут, да, я эту дискуссию давно веду и видел вопросы, которые задают по этому поводу многие коллеги психологи и люди далекие. Я стою вот на какой точке зрения. Сегодняшняя психология и психотерапия, в частности, а это отдельный такой море самых разных наработок, пережила возраст отдельных школьных привязанностей.

То есть сегодня современный психотерапевт не может работать только психоаналитически или только экзистенциально. Мы уже все друг друга принимаем, но нет уже школ. Вот уже отошло историческое время, школа отошла.

Поэтому ни психоаналитические, ни юнгенские, ни экзистенциальные. Вот мы разные. Учиться мы можем, учиться в разных школах, а потом мы приходим к некоторому такому, я бы не назвал это консенсусом, но какой-то синкретизм может быть пока.

Поэтому, когда спрашивают, а в какой школе вы работаете, да уже ни в какой. Учился, да, учился я в экзистенциальной, учился я и у Альфреда Ленгли, и у Франкла, и у последователей Хеллингера, и многих других. А вот теперь уже ни тот, ни другой петлиц.

[Говорящий 1]

Ваш вопрос теперь?

[Говорящий 2]

Да, все-таки тут еще вопрос был по поводу развлечений естественных и духовных страданий. Вот в самом начале был такой вопрос, я пересказал его своими словами. В чем разница?

[Говорящий 1]

Ну, вы знаете, это очень большая тема, и поскольку я занимаюсь пийетистской душеприпятической литературой, в которой все-таки этот вопрос прорабатывался, а надо сказать, что вот в православной аскетической литературе этому являлось меньше внимания, хотя, разумеется, тоже об этом есть. Действительно, есть большая разница между стремлениями, скажем так, падшего, натурального, природного человека и действиями благодати Божией. И это подводит нас вот к очень важной теме именно церковной педагогики, что, собственно говоря, в чем должна заключаться христианская аскетика?

В том, чтобы, ну, скажем так, что нам от Бога дается, ну, поскольку мы люди православные, то мы прибавляем к этому, что дается по вере через таинство дары Святого Духа. Для этого есть специальное даже, прошу прощения, таинство миропомазания дары Духа Святого. Ну вот, эти дары Духа Святого, вот здесь нужно подчеркнуть то, на чем настаивает пийетистская аскетика и что, может быть, несколько отходит на задний план в православной.

Дары эти, ну, как сказать, они очень индивидуальные. То, о чем говорил апостол Павел, что одному дано духом то, другому это и так далее. И вот, собственно говоря, развлечения падшего и естественного, вот на этот вопрос вообще не ответить.

У нас как-то в нашей дидактике есть большая и не очень хорошая склонность все подчинять общему уставу, всех людей, так сказать, под один ранжир определять. Это глубоко, я считаю, неверно и, ну, бесплодно приводит как раз к неврозам и к религиозной дезориентации. Вот у каждого человека своя мера и свое сочетание, свое проявление той или иной падшей и естественной стороны.

А вот распознать это, научиться этого можно именно восприняв непосредственно руководство благодати Божией. У нас есть некоторые опасения, что человек тут же впадет в прелесть и, значит, лучше всего этого избегать. На самом деле, да, конечно, такая опасность есть, потому что эти вещи тонкие.

Но я хочу сказать, что все-таки смысл церковной дидактики и вообще церковной аскетики и всей церковной жизни заключается в том, чтобы человек, как апостол Павел пишет, навыками научился распознавать добро и зло в самом себе. И вот уже под водительством Святого Духа данного, еще раз подчеркиваю, каждому из нас, развивая эти дары, разумеется, в церковных рамках под наблюдением, советом опытных каких-то пастырей

и духовно опытных людей, именно в самом себе распознавать вот эти вещи. И тогда невозможно дать общий ответ, как различить.

У каждого это отдельно. Но я хочу призвать именно к тому, чтобы православные христиане на это обращали внимание, что не общее обязательное уставное хождение в церковь, пощения, выстаивание всеночных, как бы хорошие они не были сами по себе, это не даст. Это именно должна быть какая-то внутренняя работа, внутренняя синергия, о которой говорят святые отцы, о взаимоотношениях человека и Бога, когда действительно Бог начинает выразумлять человека и он начинает понимать, различать в себе добро и зло, как говорил апостол Павел.

Вот я бы так ответил.

[Говорящий 2]

Спасибо. Джованна, поскольку вы уже вернулись, я прошу разрешение вас ответить на три вопроса, которые мне сдал Денис. И если вы не против, я кратенько отвечу на них.

Как отличать боль необходимую для роста от боли ненужной? Вообще-то говоря, никакая боль не является духовным инструментом, потому что боль – это просто боль, сигнал, эмоциональный сигнал о неблагополучии чего-то там такого в организме человека. С духовной точки зрения, боль ничему ему не научить не может, потому что организм – это про одно, а боль – это про другое, а дух – это про другое.

Но если аскет вполне себе благополучно живет и ради победы в каком-то сложном для него, в сложной борьбе он не справляется и он выбирает для себя какое-то такое сложное претерпевание, допустим, влосиницу носить или рубищ или пост какой-нибудь для того, чтобы справиться с чем-то в своей душе, с чем он не может справиться. Он берет на себя какую-то работу. Это не обязательно там будет боль.

Она может быть там, но она не является целью. Поэтому ответить напрямую на вопрос, как отличить боль необходимую от боли ненужной, любая боль не нужна. И вот если она появляется, это просто артефакт.

Это побочная, но не цель. Духовная цель – справиться со страстью. Так уж выражаясь совсем аскетическим языком.

Второй вопрос. По каким плодам можно определить правильность выбранного аскетического пути? Ответ простой.

По любым. Все зависит от того, какой путь был выбран и какая цель поставлена. Вот так вообще нельзя ответить.

Потому что аскетический путь может быть очень разным. И все зависит от того, кто это. Монах или это человек в миру.

Это может быть мужчина, может быть женщина в общежительном или в пустыне. Разные все это. Но аскетика для чего?

Победа над соростями и путь ко Христу. Если человек становится ко Христу ближе в результате какого-то аскетического упражнения или пути, вот это и есть плод. А это может прийти оттуда, откуда не встали.

Тем более, что и плоды разные. Да, правильно, Денис, вы пишете, что по апостолу Павлу и любовь, и радость, и мир. Ну, конечно.

И поэтому критерии будут разные. В зависимости от вашей цели. Ну и последний, третий вопрос.

Как долго стоит повторять то или иное аскетическое действие? Вот тут, наверное, лучше с духовником посоветоваться. Потому что конкретно для вас, знающий вас духовник, вам скажет.

Вот это действие больше двух раз не надо. Пост, богослужение. А вот это, может быть, будешь повторять всю жизнь.

Вот это лучше все-таки делать под каким-то руководством. Но руководством только того человека, который действительно это проходил, и знает, и умеет. И у него есть опыт.

Но, батюшка, может быть, на эти же вопросы вы подскажите?

[Говорящий 1]

Ну, я тогда отвечу на те вопросы, которые мне адресованы в Фейсбуке. Скоро уже в наши руки повесть перешла мне передать. А у нас остается, сейчас я скажу, где-то минут 15.

Вопрос ко мне обращен в следующий. Я его немножко перефразирую. Как сочетать заповедь возлюби ближнего твоего самого себя с тем, что церковная дидактика нам постоянно говорит о том, что нужно чувствовать себя хуже всех?

Это очень важный вопрос. И действительно, я думаю, это Андрею засвидетельствует, что он является причиной немалых беспокойств и даже неврозов. Я скажу так, что здесь видите, какая вещь.

В Писании мы видим, что апостол Павел говорит о том, что Господь Иисус пришел грешников спасти, от них же я первый. Но на этом основании появилась вот эта мысль, и у святых отцов она очень частая, что нужно считать себя первейшим грешником, видеть свои грехи как песок морской и так далее, и так далее. Я считаю, что в каком-то определенном смысле, при решении каких-то определенных пастырских задач, эта вещь может быть.

Но делать ее общей для всех, общей обязательно, это деструктивная и дезориентационная и очень серьезная вещь, потому что нам дана заповедь не судить. И эта заповедь очень важная. И я должен сказать, что подлинность...

Вот, кстати говоря, отвечая, может быть, на второй вопрос о плодах, аскетической деятельности. Подлинность богообщения настоящего христианского свидетельствуется неосуждением. То есть не тогда, когда человек из всех сил понуждает себя не осуждать, а когда уходит осуждение.

То есть в свете бога он видит как себя, так и других людей, одинаково нуждающимися в милости божьей, одинаково руководимой благодатью. Ну, я имею в виду не одинаково, как в предыдущие, в бывшие я говорил, что это не казарменная вещь, но как принцип. А вот эта ситуация постоянного сравнения и измерения моего духовного уровня разрушает это.

Потому что говорить себе, что я хуже всех, это значит судить тоже других. Мы же тем самым вторгаемся в то, что не знаем, откуда я знаю, хуже я или лучше. Почему я должен себя убеждать в том, что я хуже.

Не лучше, да, в общем, почти очевидно. Ну и так далее. Я вспоминаю житие Марии Египетской.

Я уже, кажется, где-то приводил этот пример. Преподобный Зосима. Вот он был одушевлен, которые добились больше.

И вот он в пустыню пошел с этой целью. Вернее, не в пустыню, а вот в обитель переселился, чтобы увидеть более высоких подвигов. Это вот другая сторона того же процесса.

Настоящее христианство, подлинное христианство, как раз начинается тогда, когда уходит ситуация сравнения. Когда человек перестает осуждать себя, вот в этом смысле я хуже всех и других. Тогда он может увидеть действительно проявление своей падшести.

И уже не осуждать себя и грызть и есть, и водить себя в невроз, а уже разбираться с этим. То есть видеть точно, в чем его немощь, как с ней бороться. И вот применять подлинную аскетику здесь.

И я считаю этот вопрос очень важный. На него нужно обращать внимание. Постарайтесь избегать ситуации сравнения и измерения себя в духовном.

А это возможно, кстати говоря, только в свете богообщения. Потому что когда человек один, когда он только аскетически пробивается к Богу, он непременно будет сравнивать себя с другими. И применять вычетное у отцов я хуже всех.

А то и начнет держать ум свой в ааде и так далее. То есть это исключительный совет, который Господь сказал лично старцу Силуану. В его очень частной ситуации вдруг становится каким-то общим правилом.

Это просто, я считаю, какое-то пастерское, педагогическое безобразие. Так что не мерьте себя. И даже святые отцы его не меряют.

Рассматривайте себя в свете Бога. Тогда вы увидите и себя, и других точно так, как они есть. А это и есть смирение.

Смирение, когда человек видит правду о себе. Но прежде всего о себе. И частично о других людях.

[Говорящий 2]

Спасибо. Очень воодушевляет. Тут есть один важный вопрос, который всегда задают, но он принципиальный.

Тут я отвечаю как антрополог и психолог, потому что для меня это принципиально. А если отказаться, пишет Елена, от эго-личности, на нее рукой, эгоистические страдания, душой искать присутствие живого Бога. Не есть ли это путь к блаженству?

Есть ли смысл разбираться с психологическими проблемами?

[Говорящий 1]

Я прямо продублирую вопрос. Очень интересно про отвергнуться себя.

[Говорящий 2]

Какие источники соприкосновения. Очень хорошо. Елена, а кто будет тогда отвечать перед Богом?

Кто пойдет к Богу? Или вы хотите, что Бог сам придет в пустое место? Вот вы это свое отвергаете.

Это это латинское слово. На самом деле это просто я. Вот вы себя отвергаете, что на вашем месте будет пусто.

И Бог должен прийти, вселиться в пустой дом. И с кем он там будет жить? Он чего туда пришел?

Он же к вам идет. А вы там есть? Вы у себя есть?

Вы в этом доме украсите все, приготовите трапезу. Господу постелите. Там все красиво.

Что значит отвергнуть? Что значит отказаться от я? Это как?

А кому тогда все Господь дал заповеди, проповедь, откровения? Кого пришел спасать? Вас или пустое место?

Как это вы отвергаться себя собираетесь? Понимаете, ведь это же формула отвергнуться себя. Отвергнуться своих хотений, желаний, страстей, грехов.

Отвергнуться падшести. Падшести. Но не себя же самого.

Это не речь идет про личность. Отвергнуть личность? Нет.

Это же ошибка. Просто толкование. Больше ничего.

А тогда кто будет исполнителем всего этого? Кому обращена проповедь? Напротив.

И психология сантропологии. Вся аскетическая письменность о чем? Соберись, встань, припаяшь чресла и начни жить как муж.

Как взрослый человек. Это же кому-то обращенное слово. Понимаете?

Есть тот, кому Господь говорит. А если его нет, тогда кому он говорит? Мы все время забываем, что в контексте проповеди и откровения всегда есть тот, кто слушает Господа.

Но он есть. И с этого мы начинаем. Я есть.

Как говорил Иов в Библии. Вы читаете там. И призвал Господь Иов и сказал.

Иов ответил. Вот я, Господи. Кстати, Авраам так отвечал.

Это такая формула литературная. Вот я. Ощутите это вот я перед Господом.

Вот одно из первых вхождений в христианство. Я бы так сказал. Мое пасторское такое предложение.

Научитесь стоять перед Господом со словами. Вот я, Господи. Вот я.

Но это должно быть осознанно. Отец Петр об этом сказал. Осознанно и с четким ощущением, что вы стоите лицом к лицу.

Стоите весь вот какой есть. Без всяких, так сказать, там защит, прекрас. Без шляпы и макинтоша.

Без телефона, без тукфелика. А вот как есть. И без сравнения с другими.

И без сравнения с другими. Лицом к лицу. Наедине.

Понимаете? Вот не коллективом в Евангелие входит в церковь. Не стройными рядами.

А по одному. Личность к личности. Так и на суде будем.

И вот это очень важно. Что значит себя отвергнуть? Это отвергнуться падшести.

Правильно. Вы договорите, я добавлю.

[Говорящий 1]

Все. Просто пьетистская аскетика действительно тоже настаивает на этом. И употребляет эти выражения.

Но проясняет, что имеется в виду. Отвергнуться себя. Отвергнуться то, что пьетисты-протестанты все время в священном писании пребывают.

Отвергнуться ветхого человека со страстями и похотями. И дать место Богу в его взаимодействии с новым человеком. Который нам обетовал Господь.

И о котором у нас и была речь. Когда мы говорили о том, как распознать естественные действия и божественные. Новый человек, рожденный от Бога, распознает Божие действия.

Вот этот новый человек должен, употребляя слова Анатритечи, ему должно возрадать. А ветхому человеку умоляться. В этом смысл именно новозаветная аскетика.

Так, как преподают ее апостолы. То есть, само все выражение отвергнуться себя. Это выражение евангельское и новозаветное.

Конечно, мы его никак не можем сбросить со счета. Но другое дело, как Вы совершенно правильно сказали, мне очень понравилось. Действительно.

Просто тут нужно различать. Вот, пьетисты предлагают развлечение ветхого и нового человека. Действительно, развлечение подлинной личности.

Благосотворенной. И падшего какого-то, действительно. Ну, можно сказать, и агада.

Если к общеупотребительному слову употребления обратиться. Ну, да. Здесь вот именно не перегибать.

Мне кажется, отвержение себя и вообще любое аскетическое действие такого уже рода серьезного. Прежде всего, свидетельствуется миром Божиим. И вот то, что Вы очень хорошо сказали.

Предстояние перед Богом именно двусторонним. То есть, никогда человек воображает что-то себе. Или выжимает из себя.

Или стремится к этому. Я имею в виду в самом положительном смысле. А именно вкушает это.

Вкусите и видите. Якобы благ Господь вкушает это двустороннее предстояние пред Богом. Об этом очень хорошо говорил святитель Феофан в самом начале своего начертания христианского нравоучения.

Что норма христианской жизни это когда человек чувствует, что он есть Божий. И что Господь это его Бог. И что это непосредственное и постоянное.

Такое, скажем, континуум существования человека христианского. Что он постоянно чувствует. Но чувствует не человеческая эмоция.

А это именно какое-то движение веры. Действие веры. Чувствует эту двусторонность.

И святитель Феофан пишет, что если это внутреннее чувство. Вот этого постоянного пребывания в соприсутствии с Божиим. И ответы вот такого.

Причем ответ опять же не в таком эмоциональном человеческом плане. А именно в контексте веры. Когда это уходит из жизни христианина.

Когда он остается один. Он уже должен бить тревогу. И задумываться над тем, что вызвало отхождение в благодати Божией.

Грех или какое-то недолжное действие. Как раз это и есть регулятор аскетики. Потому что аскетика регулируется именно этим пребыванием в соприсутствии с Божиим.

Пребыванием внутреннего человека, подлинной его личности в соприсутствии с Божиим. Когда это соприсутствие с Божиим есть. Человеку не нужно аскетизировать.

Ему нужно как апостол Иоанн Богословий говорит хранить себя. И не более того. А когда оно уходит.

Тогда уже предпринимаются аскетические действия. Прежде всего в отношении других людей. И страшные прошения, выяснения отношений.

Потому что именно от этого благодать Божия отходит. От таких тонких осуждений. От тонкой неприязни и так далее.

Вот сюда надо направлять аскетiku.

[Говорящий 2]

Спасибо. К нам подключился даже Жан-Франсуа. Не знаю как.

Услышим мы голос.

[Говорящий 1]

Я не вижу.

[Говорящий 2]

У нас остается уже мало времени. А мы не ограничены. Так что вы на часы не смотрите.

Тут вопрос интересный задала Елена. Вера без дел мертва. Какие сейчас дела?

Я бы сейчас сказал так. Можно так сказать. Это вот мое пастерское вам предложение.

Елена, научитесь говорить правду. Сегодня столько лжи. Мы настолько утонули во лжи.

И христиане тоже. Мы церковные русские православные христиане. Мы тоже всюду кругом используем разные ложные послышки, стереотипы.

И предложения. И сами их исполняем. И сами же говорим.

Первое пастерское, евангельское. Научиться говорить правду. Второе.

Научиться хотя бы говорить слова любви. Ну ладно, если любви нас нет. Хотя бы слова любви.

Хотя бы приветливость, человечность. Улыбку, благопожелание. Произносите слово здравствуйте со смыслом.

Молитва. Будьте здоровы. Дай вам Господи здоровья.

Улыбаться просто. И желать. Спаси Христос.

Вот как говорят Старобрецына. Спаси Христос. Только со смыслом, осознанно.

Научитесь простым человеческим действиям. Но вкладывая в них христианский смысл. Я бы сказал.

Вот они дела. Вот они. Ничего такого особенного.

[Говорящий 1]

Здесь я бы добавил призыв к честности. Конечно, честность перед самим собой. В том числе и в церковной жизни.

[Говорящий 2]

Да. Джованна.

[Говорящий 3]

Извините. Были какие-то, не знаю, сокровенные ошибки в компьютерах. Но Facebook все работало.

И каким-то образом, провинциальном образе. Вы сохранились живые. И смогли блестяще вести ваш разговор.

[Говорящий 2]

Нам было очень интересно.

[Говорящий 3]

Я вижу, что просто постоянно были очень много слушателей. И на самом деле, то, что я могла все-таки послушать по Фейсбуку тоже. Это было какой-то, знаете, сегодня в католической традиции.

Это день всех святых. Это такой большой праздник, даже торжество. И я просто подумала, что вот это как раз возможность говорить о человеке.

Именно человек перед Богом. То есть человек, как Бог его видит как-то в духовном росте. Который у нас, каждый у нас есть как призвание.

И вы то, что вы через вашу лекцию о психологии, о богословии, об эскетике. Нам напомнили просто об этом росте человека. И поэтому вам огромное спасибо.

Для меня была духовная радость вас послушать. И душевное утешение, наверное. Спасибо вам огромное.

И тогда, может быть, будут еще какие-то другие диспуты.

[Говорящий 1]

Ну, я говорю, диспуты у нас неожиданные.

[Говорящий 3]

Но, скажем, беседы и как-то взаимное обогащение в этих беседах.

[Говорящий 2]

Спасибо. Отец Андрей, большое спасибо. Спасибо, батюшка.

Я был очень рад. Спасибо, что вы откликнулись. Спасибо, Татьяна.

Спасибо, Джованна. Я думаю, что ваше временное отключение было нам с отцом Петром подарком.

[Говорящий 1]

Это, скажем так, прибавило нам чувство ответственности.

[Говорящий 5]

Точно. Точно, да.

[Говорящий 1]

Спасибо, Джованна. Благодарю вас.

[Говорящий 2]

Благодарю слушателей.

[Говорящий 3]

До свидания.

[Говорящий 2]

До свидания. До встречи. До встречи.

[Говорящий 5]

Всего доброго.